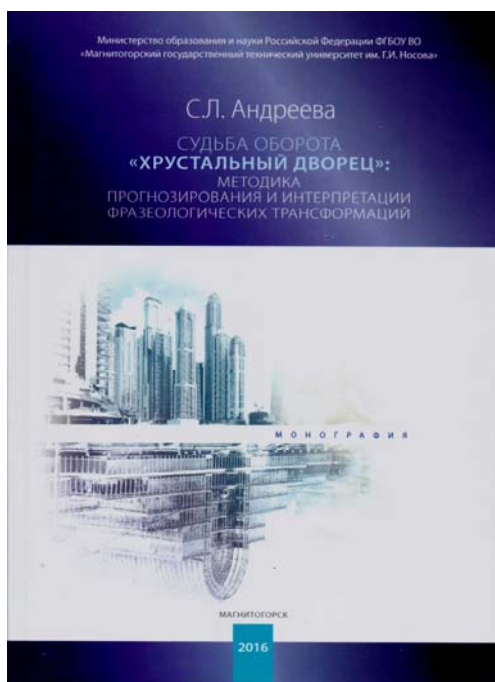

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/19986645/46/16

Рецензия на книгу: Андреева С.Л. Судьба оборота *хрустальный дворец*: методика прогнозирования и интерпретации фразеологических трансформаций / под ред. А.А. Осиповой. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2016. 183 с.

Монография посвящена описанию фразеологической единицы хрустальный дворец: объяснению существующих и прогнозированию возможных её трансформаций с помощью пропозиционно-фреймowego анализа словообразовательных гнёзд однокоренных слов, в которые входят компоненты данного оборота и его субституты. В книге реализована попытка моделирования единого когнитивного пространства фразеологизма, в рамках которого возникают трансформации, развивается полисемия, обнаруживаются возможности синтагматических, парадигматических и эпидигматических измерений оборота.

Работа предназначена для специалистов, аспирантов, студентов, занимающихся вопросами когнитивной лингвистики, фразеологии и словообразования.

Рецензируемая работа значительно отличается от монографических исследований по фразеологии последних двух десятилетий. Задавшись целью проследить судьбу одной фразеологической единицы, С.Л. Андреева создала оригинальную методику анализа фразеологического материала в целом. В центре внимания автора – проявление двух важнейших дифференциальных признаков ФЕ – её устойчивости и воспроизводимости. В речевом потоке оборот *хрустальный дворец* (пока ещё не попавший в современные фразеологические справочники, хотя и зафиксированный в словарях иностранных слов начала XX в.), как и другие, ему подобные ФЕ, способен трансформироваться. Устойчивость и воспроизводимость этой ФЕ подвергаются разнообразным «испытаниям» (и в плане выражения, и в плане содержания): варьируется её лексический состав, изменяется синтаксическая структура, нарушается традиционный порядок следования компонентов, она погружается в не-

привычный контекст, «корректируется» и обогащается её семантика. В сущности, Андреева, тщательно изучая перипетии «русской судьбы» одной из древнейших интернациональных сверхсловных языковых единиц, включается в извечный спор фразеологов о взаимоотношении устойчивости и вариантности ФЕ. Проблема устойчивости и вариантности затрагивалась практически всеми исследователями корпуса сверхсловных языковых единиц русского и других национальных языков. Особенно активно она обсуждалась в 1960–1970-е гг., не случайно названные «дискуссионными». В.Н. Телия считала, что «классический» период в истории фразеологии «не породил новых теоретических оснований для рассмотрения материала фразеологии и его знаковой природы» [1. С. 8], однако существуют доказательства, позволяющие утверждать, что «классический» период отмечен открытиями, обеспечившими молодой отрасли знания прочное место в языкознании. Именно в этот период была опубликована монография В.Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке» [2]. Учёные этого периода подготовили почву для расцвета фразеологии на следующем этапе её развития. Доказательством тому могут служить работы монографического характера конца 1980-х – начала 2000-х гг. К ним, например, относятся труды Н.Ф. Алефиренко [3–5], Е.Н. Ермаковой [6], Л.Г. Золотых [7], А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [8], В.М. Мокиенко [9, 10]; И.Ю. Третьяковой [11]; А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского [12] и многих других учёных. Современная фразеология вторгается в области смежных наук – лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории речевой деятельности, коммуникативного синтаксиса, когнитивной дериватологии и т.д.; её представители овладевают новыми методами и приёмами анализа ФЕ, что подтверждается и содержанием рецензируемой работы.

Применительно к теоретической базе монографии С.Л. Андреевой с фразеологической точки зрения важнейшим представляется научно обоснованное (в рамках структурно-семантической парадигмы) определение устойчивости ФЕ, данное в своё время В.Л. Архангельским.

В рецензируемой работе идеи Архангельского развиваются, обогащаются, погружаются в новую научную парадигму; при этом автор использует достижения корпусной лингвистики с её новыми технологиями обработки языкового материала. Как справедливо пишут авторы книги «Основы фразеологии» А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, «...появление новых данных – радикальное расширение эмпирической базы – существенно влияет и на развитие теории фразеологии. Метод, как это часто бывает, не просто используется для сбора и обработки данных, но позволяет поставить новые задачи и тем самым радикально меняет теорию» [12. С. 238]. Многочисленные варианты и трансформы оборота *хрустальный дворец* автором не просто детально описываются с точки зрения структурно-семантической, этимологической и стилистической, как это делается в большинстве фразеологических работ. Автор идёт дальше: обнаруживает когнитивные модели каждого из компонентов ФЕ и когнитивную модель самой сверхсловной языковой единицы. Именно эти когнитивные модели, как убедительно доказывает исследовательница, служат базой для появления новых вариантов и трансформ ФЕ и в то же время обеспечивают пределы её варьирования и трансформации,

переступив которые носитель языка разрушает ФЕ, лишив её устойчивости в том значении, в каком она понималась Архангельским.

Во введении (С. 4–11) автор доказывает необходимость поиска новых методов исследования фразеологического материала, которые бы помогли учёным ответить на вопросы, остававшиеся не до конца решёнными в рамках традиционной фразеологии. Стремление фразеологов «расширить исследовательский инструментарий» привело их в лоно когнитологии. Формирующиеся на новом витке развития мирового языкознания когнитивная фразеология и когнитивная дериватология, по мнению автора монографии, «исследуя процессы обработки человеком информации и структурирования реальной действительности, помогают обнаружить непрерывный мотивационно-деривационный процесс, происходящий в естественном языке», который «позволяет не только изучать развитие отдельных уровней языка, но и видеть различные проявления системных связей в языке, улавливать языковые универсалии, обнаруживать тенденции и закономерности происходящих семантических изменений» (С. 4). С.Л. Андреева обосновывает целесообразность применения к фразеологическому материалу пропозиционально-фреймового анализа словообразовательных гнезд слов-компонентов ФЕ, обеспечивающего «“вход” со словообразовательного уровня на уровень изучения фразеологических явлений на “глубине” фреймовых структур» (С. 5). Она подчёркивает, что опирается на учение о вариантности ФЕ, основы которого также закладывались в «классический» период развития фразеологии, и соглашается с В.Н. Телия, утверждавшей, что «фразеологизмы всё время находятся под давлением со стороны всей совокупности форм и значений словесной системы, чем обусловлена категория вариантности фразеологизмов» [1. С. 43]. Исследовательница справедливо считает, что вариантность и трансформационная активность ФЕ – результат взаимодействия языка и речи (С. 5).

Во введении к монографии выдвинута гипотеза, в которой содержится предварительный ответ на извечный вопрос фразеологии о пределах варьирования ФЕ: «Спектр возможных трансформаций ФЕ, как и развитие её структурной и семантической вариантности <...> ограничен фреймом» (С. 6). Здесь же С.Л. Андреева настаивает на том, что лексемы, ставшие компонентами ФЕ, не «десемантизируются» (С. 7). Она затрагивает целый ряд актуальных фразеологических проблем, которые намерена рассмотреть, применяя пропозиционально-фреймовую методику анализа ФЕ *хрустальный дворец*; среди них: 1) устойчивость и воспроизводимость ФЕ как источник «центростремительных сил, направленных на расширение структурно-семантических возможностей фразеологизма»; 2) противоречие между стандартностью, предсказуемостью языка и творческим, индивидуальным характером речи; 3) соотношение узуса и значения ФЕ как исходный материал для смысловых (и, возможно, структурных) «прирастаний» текста; 4) влияние трансформационной активности ФЕ на её языковое значение и форму; 5) пределы окказиональной трансформации ФЕ. Завершается введение чётко сформулированной конкретной задачей – построить модель пропозиционально-фреймового единства, отражающего (семантическую и структурную) трансформационную активность ФЕ *хрустальный дворец*, способного объяснить

все существующие преобразования и спрогнозировать возможные последующие (С. 11).

Глава 1 посвящена общей характеристике оборота *хрустальный дворец* и его трансформационной активности (С. 12–52). Поскольку единица *хрустальный дворец* фразеографической обработке ещё не подвергалась, несомненный интерес у читателя вызовет экскурс в историю её формирования – от «бродячего» образа «нереального прозрачного, сверкающего (хрустально-го/стеклянного/кристального) дворца/замка (= горы, острова), восходящего к фольклорно-мифологическому пласту культуры славян и народов романо-германской группы через «столкновение» с образным именованнием реально-го архитектурного объекта – здания Всемирной выставки в Лондоне 1851 г. Crystal Palace (букв.: ‘Кристальный дворец’), ознаменовавшего «технологическую победу человечества над природой» и ставшего «символом зданий будущего, как правило, Счастливого Будущего Человечества» (С. 14–15). С.Л. Андреева доказывает, что «символизация нового визуального образа и мощный общественный резонанс, который вызвала выставка в Европе во второй половине XIX в., породили в русском языке цепь новых значений оборота <...> и, по сути, способствовали его фразеологизации» (С. 15). Она подчёркивает полисемантическую русскую ФЕ *хрустальный дворец*, детально описывает все 9 её значений, подтверждая их реальность качественными примерами и характеризуя обстоятельства, повлиявшие на появление каждого очередного лексико-семантического варианта (ЛСВ) этой сверхсловной языковой единицы. Структурно-семантический анализ ЛСВ сопровождается в главе уместными этимологическими и культурологическими замечаниями. Но, пожалуй, наибольшую ценность представляют в первой главе те фрагменты, где обширный иллюстративный материал позволяет автору подниматься до уровня серьёзных теоретических обобщений по спорным вопросам фразеологии. Выделим из них, на наш взгляд, наиболее существенные, касающиеся терминологического «инструментария» исследования.

Вполне естественным представляется сосредоточение внимания автора на термине *трансформация*, вошедшем в название монографии. Нередко во фразеологических работах этот термин используется как синоним термина *вариантность*. Впрочем, и в самой рецензируемой монографии на начальных страницах текста особой границы между этими двумя терминами не ощущается. И всё же С.Л. Андреева, учитывая 60-летний опыт фразеологов в решении вопроса о сущности вариантности и её роли в судьбе ФЕ, обосновывает целесообразность употребления терминов *вариант*, *вариантность* только относительно изменений, не выходящих ФЕ «за рамки узуса». Такие варианты, по её мнению, должны фиксироваться словарями (С. 22–23). Что же касается терминов *трансформация* и *трансформ*, то в монографии они используются, как правило, для наименования «окказиональных преобразований». Трансформ, полагает Андреева, «останется фактом речи до тех пор, пока не приобретёт частотность и воспроизводимость, свойственную языковым знакам» (С. 23). Таким образом, по мнению исследовательницы, если вариант ФЕ – факт языка, то трансформ – факт речи. При этом трансформ имеет шанс из факта речи превратиться в факт языка.

Анализ значительного объема вариантов и трансформаций ФЕ *хрустальный дворец* завершается выводом о том, что все они «остаются в пределах одного оборота благодаря существованию единого ««стержня», удерживающего весь спектр модификаций в рамках одной структуры. Таким стержнем фразеологи называют внутреннюю форму и/или фразеологический образ» (С. 40). Проследив историю формирования «стержня» ФЕ *хрустальный дворец*, Андреева соотнесла итоги своих наблюдений с теоретическими разработками проблемы взаимоотношения внутренней формы (ВФ) и фразеологического образа (ФО) и пришла к убеждению, что «фразеологический образ и внутренняя форма фразеологизма – явления связанные, но не тождественные. Они имеют разную векторную направленность в жизненном цикле ФЕ: фразеологический образ – центробежную, а внутренняя форма – центростремительную. Фразеологический образ стремится к развитию, применяясь носителем языка к новым явлениям внешнего и внутреннего мира. Он «повинен» в расширении полисемии и развитии трансформационной активности ФЕ. Внутренняя форма ФЕ, наоборот, является сдерживающим фактором, сохраняющим многообразие проявлений одного языкового знака» (С. 41). В рассуждениях автора о ВФ, отражающей связь ФЕ с внеязыковой действительностью, следует отметить несколько важных деталей, ибо они позволяют «увидеть» элементы, без которых был бы невозможен пропозиционально-фреймовый анализ ФЕ, осуществлённый в последующих главах монографии. Перечислим их: 1) внутренней формой обладает не только ФЕ в целом, но и каждый из компонентов ФЕ; 2) внутренняя форма «явственно предстаёт в окружении других родственных слов» [24. <http://>]; 3) существует внутренняя форма у словообразовательного гнезда каждого из компонентов ФЕ, а также у корневой морфемы каждого из словообразовательных гнёзд; 4) на базе одной внутренней формы возможно существование нескольких производных фразеологических образов, а на основе сходства внутренней формы возможно «случайное» объединение нескольких фразеологических образов; 5) ВФ полисемичной ФЕ – «это содержательный инвариант, основание образной системы, удерживающее связь между фразеосемантическими вариантами и обеспечивающее целостность ФЕ» (С. 45–46).

Тонкий, глубокий анализ истории формирования оборота *хрустальный дворец* не оставляет сомнения в том, что эта многозначная ФЕ занимает прочное место в русской языковой системе и обладает многогранными трансформационными возможностями. Представляется вполне реальной прослеживаемая автором связь между фразеологизацией оборота и концептом «Хрустальный дворец». Не без основания Андреева полагает, что фразеологизация оборота *хрустальный дворец* «состоялась тогда, когда чувственный опыт (визуальный) нашёл нужную вербальную «этикетку» и наделил ФЕ прежде всего номинативной функцией» (С. 46). В этом отношении автор опирается на труды основателя мотивологического направления в лингвистике, руководителя томской диалектологической школы О.И. Блиновой [13].

Глава 2 «Семантическая деривация и пропозиционально-фреймовый анализ словообразовательных единиц», самая короткая, занимающая около десятка страниц (С. 53–61), тем не менее содержит важнейшие методологические положения, которые легли в основу авторской методики пропозицио-

нально-фреймового анализа фразеологических единиц. Начинается глава с обзора когнитивных исследований последних десятилетий, в которых авторы пытаются найти ответы на различные вопросы о взаимодействии языка и мышления через изучение словообразовательного уровня языка. Ссылаясь на труды Н.Д. Арутюновой [14], Т.И. Вендиной [15], И.В. Евсеевой [16], Е.А. Земской [17], Е.С. Кубряковой [18], И.А. Улуханова [19], М.Н. Янценцкой [20] и многих других современных учёных, автор монографии объясняет, почему именно словообразовательные гнёзда избраны ею как база для изучения трансформационных процессов ФЕ хрустальный дворец. Знакомство с работами вышеназванных исследователей убедило автора монографии в том, что «словообразовательное гнездо (СГ) предстаёт в виде особым образом структурированной единицы хранения знания, которая проливает свет на структуру формирования языковой картины мира» (С. 53). Именно это качество СГ – «быть своеобразной базой данных» вызывает у Андреевой «исследовательский интерес» (Там же). Она пишет: «Маркированность единым корнем подчёркивает соотнесённость лексем с единой ситуацией и отражает результат категоризации действительности познающим субъектом. И такой категорией, закрепляющей познавательный опыт носителя языка, является корневая морфема – хранительница ВФ всего СГ» (С. 54).

Свою методику анализа трансформационных процессов в сфере фразеологии исследовательница создаёт на основе методики пропозиционально-фреймового моделирования СГ, разработанной учёными кемеровской дериватологической школы, возглавляемой Л.А. Араевой [21]. Компактно, используя чёткие дефиниции, она представляет терминологический аппарат своей работы: «категоризация», «концептуализация» (со ссылкой на Р.М. Фрумкину [22. С. 62–63]); «деривация» (С. 57); «фрейм», «субфрейм» (в трактовке М. Минского [23. С. 7]); «слот»; «когнитивное пространство», «когнитивная модель» (С. 60); «пропозиции» и их номенклатура, «фреймовая целостность СГ» (С. 56) и пр. При этом каждый «заимствованный» термин сопровождается корректной трактовкой, развивающей и углубляющей мысль или идею цитируемого автора и доказывающей возможность использования того или иного термина при анализе трансформационных процессов в сфере фразеологии. Приведём только некоторые замечания автора, касающиеся использованного терминологического аппарата: «Фрейм СГ можно сравнить с ДНК клетки, обеспечивающей программу развития организма. Примерно так же фрейм закладывает общее направление развития СГ» (С. 57); «Когнитивные модели СГ обнаруживают системность, типичность, прогнозируемость, которые, в свою очередь, и формируют своеобразную память, непосредственно связанную с задачами коммуникации – удачами, “уверенностью” и неудачами, “неуверенностью”» (С. 58); «Пределы возможного для идентификации оборота заложены фреймовой структурой и рамками фразеологического образа» (Там же); «Идея фреймовой целостности гнезда полезна для решения важных теоретических и практических задач не только в лексике, словообразовании, но и во фразеологии и синтаксисе» (С. 59).

В последующих двух главах монографии отражены результаты детального пропозиционально-фреймового анализа СГ зависимого и основного компонентов ФЕ *хрустальный дворец* и их *субститутов*. Когнитивный анализ

сопровождается этимологическими и лингвокультурологическими сведениями, а также данными, полученными с помощью приёмов сравнительно-исторического и структурно-семантического методов. В главе 3 (С. 62–103) на основе словообразовательных гнезд зависимого компонента «Хрусталь» и его субститутов «Стекло» и «Лёд» проектируется фрейм «материал», описываются все возможные пропозиции, которые обеспечиваются этим фреймом и служат базой для трансформации атрибутивного компонента ФЕ *хрустальный дворец*. В главе 4 (С. 104–135) таким же образом осуществляется анализ главного компонента «Дворец». Правда, при проектировании его фрейма за основу взят фрейм «здание» по названию доминанты синонимического ряда субститутов. Автор объясняет данный выбор особыми отношениями между субститутами компонента «Дворец». Дело в том, что замена главного компонента лексемами «Здание», «Дом», «Замок», «Чертог», «Башня», «Храм», «Терем» «носит <...> синонимический характер, а не просто лексический» (С. 78).

В главе 5 (С. 136–147) осуществляется пропозиционально-фреймовой анализ самой ФЕ *хрустальный дворец*. 11 таблиц и 12 схем, в которых концентрированно представлены итоги пропозиционально-фреймового анализа, систематизируют полученные результаты и убеждают читателя в перспективности применения разработанной автором методики прогнозирования и интерпретации фразеологических трансформаций. В главе 5, например, один из выводов гласит, что четыре субститута для зависимого компонента ФЕ *хрустальный дворец* и восемь субститутов для главного её компонента «в сумме всех словообразовательных вариантов формируют поле для огромного количества синтаксических комбинаций». Это подтверждается таблицей 11 «Сводные данные количества слов-компонентов и их возможных комбинаций, попадающих в поле трансформации ФЕ *хрустальный дворец*» (С. 144), которая свидетельствует: 293 лексемы из ряда однокоренных слов зависимого компонента вкупе со 156 однокоренными словами главного компонента (с учётом их субститутов) способны обеспечить 45 708 комбинаций (без учёта сочетаемости лексем и их парадигм).

Оставляя «за кадром» выводы, касающиеся непосредственно ФЕ *хрустальный дворец*, отметим коротко сформулированные автором после апробации пропозиционально-фреймового анализа на фразеологическом материале положения, наиболее значимые, с нашей точки зрения, для общей фразеологии и её «когнитивно-дериватологического ответа».

1. Выполняя роль компонента ФЕ, слово не «десемантизируется», не перестаёт быть элементом лексической системы и остаётся «в рамках когнитивного пространства, в котором существуют обычные слова» (С. 152). В то же время функционирование в качестве компонента ФЕ «расширяет когнитивное пространство этой лексемы за счёт потенциально возможного подключения когнитивного пространства другого компонента ФЕ» (Там же).

2. Словообразовательный уровень русского языка, обладающий огромным комбинаторным потенциалом, открывает перед фразеологом множество ранее не учитывавшихся возможностей.

3. Словообразовательные гнезда компонентов ФЕ представляют собой «специфические единицы хранения и упорядочения информации, получен-

ные в процессе познания действительности. Знания, структурированные в виде фреймов, и спектр реализующих их пропозиций являются основой проектирования возможных речевых употреблений» не только отдельных лексем, но и ФЕ (С. 148).

4. Изучение процессов фразеологических трансформаций с помощью предлагаемой автором методики пропозиционально-фреймового анализа словообразовательных гнёзд компонентов ФЕ позволяет исследователю получать ответы на вопросы, остававшиеся не до конца решёнными в традиционной фразеологии. Так, например, «выявление фреймовых структур при изучении фразеологии полезно не только для исследования семантики ФЕ и/или семантики речевых высказываний <...> но и для интерпретации и прогнозирования трансформаций ФЕ и её компонентов» (Там же).

5. Устойчивость и воспроизводимость ФЕ – «это результат закрепления в памяти носителя языка определённой пропозиционально-фреймовой конструкции» (С. 149), которая и предопределяет границы трансформации сверхсловной языковой единицы.

6. Пропозиционально-фреймовый подход, реализуемый через словообразовательный уровень, может быть использован по отношению к любым языковым единицам, используемым в коммуникации, ибо «СГ обладают важнейшим функциональным свойством – они аккумулируют в своей зоне (в сети однокоренных слов) в структурированном виде пропозиции, которые возникают от взаимодействия исходной корневой морфемы и формантов, несущих значение словообразовательного типа» (С. 150).

Как и всякая серьёзная научная работа, монография С.Л. Андреевой может стать поводом для научной дискуссии. Прежде всего, бросается в глаза несоответствие между масштабностью сделанных автором выводов и ограниченностью объекта исследования, послужившего основой для этих выводов. Применимость тщательно разработанной методики пропозиционально-фреймового анализа словообразовательных гнёзд, апробированной при анализе лишь одной ФЕ – *хрустальный дворец*, по отношению ко всем сверхсловным языковым единицам, изучаемым общей фразеологией, не представляется корректной. Неизбежно возникают вопросы. Так же ли безотказно будут «срабатывать» приёмы пропозиционально-фреймового анализа словообразовательных гнёзд при изучении предметных ФЕ иной синтаксической модели, иной судьбы, иного типа семантики? Возможно ли применение этой при описании ФЕ, принадлежащих к другим семантико-грамматическим классам (процессуальным, атрибутивным, адъективным и пр.) или выполняющих другие коммуникативные функции (например, предикативные)? Поскольку полученные автором результаты уместно было бы использовать во фразеографической практике, нельзя ли выявить в предложенной методике процедурные приёмы, которые привели бы к желаемому результату более коротким путём?

Тем не менее рецензируемая монография не может не вызвать интереса у лингвиста. Её автор свежо и оригинально интерпретировал языковые процессы, связанные с судьбами сверхсловных языковых единиц. На современном этапе мирового языкознания, с его широким спектром школ и направлений, разнообразием применяемых методов и приёмов, при наличии технологий

корпусной лингвистики, позволяющей без лишних временных затрат исследовать «поведение» элементов языковой системы, по-прежнему ощущается потребность в методиках, применимых при изучении семантики и исторических судеб элементов языковой системы, особенно сверхсловных. Предлагаемая автором методика прогнозирования и интерпретации фразеологических трансформаций, опирающаяся на электронные корпусные данные, – один из возможных ответов на требование времени в рамках фразеологии, где по-прежнему являются актуальными проблемы предела варьирования сверхсловной языковой единицы, взаимоотношения её внутренней формы и фразеологического образа, обнаружения того «стержня», который обеспечивает воспроизводимость и устойчивость ФЕ.

Литература

1. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1964.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Эллис, 2008.
4. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Пермена, 1993.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
6. Ермакова Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2008.
7. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2008.
9. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989.
10. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Азбука-классика: Авалонь, 2005.
11. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова, 2011.
12. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
13. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.
14. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики / отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1968. С. 58–116.
15. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопр. языкознания. 1999. № 2. С. 27–49.
16. Евсеева И.В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход. М.: Либроком, 2012.
17. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / ред. Е.А. Земская. М., 1983. С. 172–214.
18. Кубрякова Е.С. К построению типологии словообразовательных категорий // Актуальные проблемы современного словообразования: тр. междунар. науч. конф. Томск, 2006. С. 90–96.
19. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Азбуковник, 2005.
20. Янценецкая М.Н. О пропозициональной обусловленности словообразования // Принципы деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Пермь, 1991. С. 54–55.
21. Араева Л.А., Денисова Э.С., Оленев С.В. Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство. Исследования по словообразованию М.: Едиториал УРСС, 2011.
22. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2001.
23. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер с англ. О.Н. Гринбаума. М.: Энергия, 1979.

BOOK REVIEW: ANDREEVA, S.L. (2016) *SUD'BA OBOROTA KHRUSTAL'NYY DVORETS: METODIKA PROGNOZIROVANIYA I INTERPRETATSII FRAZEOLOGICHESKIKH TRANSFORMATSIY* [THE DESTINY OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT "CRYSTAL PALACE": METHODS OF PHRASEOLOGICAL TRANSFORMATION PREDICTING AND INTERPRETING]. MAGNITOGORSK: ZAO "MAGNITOGORSKIY DOM PECHATI"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 46. 222–232. DOI: 10.17223/19986645/46/16

Svetlana G. Shulezhkova, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: shulezhkova@gmail.com

References

1. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Stable phrases in modern Russian]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
3. Alefirenko, N.F. (2008a) *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow: Elpis.
4. Alefirenko, N.F. (1993) *Frazeologiya v sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology in the system of the modern Russian language]. Volgograd: Peremena.
5. Alefirenko, N.F. (2008) *Frazeologiya i kognitivistika v aspekte lingvisticheskogo postmodernizma* [Phraseology and cognitive science in the aspect of linguistic postmodernism]. Belgorod: Belgorod State University.
6. Ermakova, E.N. (2008) *Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii* [Phrase and word formation in phraseology]. Philology Dr. Diss. Tyumen.
7. Zolotykh, L.G. (2008) *Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoy semantiki* [Cognitive-discursive bases of phraseological semantics]. Philology Cand. Diss. Belgorod.
8. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2008) *Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edinit sovremennogo russkogo yazyka* [Semantic structure of phraseological units of the modern Russian language]. Kostroma: Kostroma State University.
9. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Mokienko, V.M. (2005) *Zagadki russkoy frazeologii* [Riddles of Russian phraseology]. Moscow: Azbuka-klassika; Avalon".
11. Tret'yakova, I.Yu. (2011) *Otkazional'naya frazeologiya* [Occasional phraseology]. Kostroma: Kostroma State University.
12. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2016) *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)* [Fundamentals of phraseology (a short course)]. Moscow: FLINTA: Nauka.
13. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Arutyunova, N.D. (1968) O znachimyykh edinitakh yazyka [On significant units of language]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Issledovaniya po obshchey teorii grammatiki* [Studies in the general theory of grammar]. Moscow: Nauka.
15. Vendina, T.I. (1999) Slovoobrazovanie kak sposob diskretizatsii universuma [Word formation as a way of discretizing the universe]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 27–49.
16. Evseeva, I.V. (2012) *Kompleksnye edinity russkogo slovoobrazovaniya: kognitivnyy podkhod* [Complex units of Russian word formation: a cognitive approach]. Moscow: Librokom.
17. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. (1983) Yazykovaya igra [Language game]. In: Zemskaya, E.A. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.
18. Kubryakova, E.S. (2006) [To the construction of the typology of word-formation categories]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Topical issues of modern word formation]. Proceedings of the international conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 90–96. (In Russian)
19. Ulukhanov, I.S. (2005) *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka* [Motivation in the word formation system of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik.

20. Yantsenetskaya, M.N. (1991) [On propositional conditionality of word formation]. *Printsipy derivatsii v istorii yazykoznaniya i sovremennoy lingvistike* [Principles of derivation in the history of linguistics and modern linguistics]. Perm: Perm State University. pp. 54–55. (In Russian)
21. Araeva, L.A., Denisova, E.S. & Olenov, S.V. (2011) *Kemerovskaya derivatologicheskaya shkola: Traditsii i novatorstvo. Issledovaniya po slovoobrazovaniyu* [Kemerovo Derivatological School: Traditions and innovation. Studies on word formation]. Moscow: Editorial URSS.
22. Frumkina, R.M. (2001) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Akademiya.
23. Minsky, M. (1979) *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [A framework for representing knowledge]. Translated from English by O.N. Grinbaum. Moscow: Energiya.